

ФОРУМ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ¹

Католический университет в баварском городе Айхштетте и его структурное подразделение — Институт центрально- и восточноевропейских исследований возникли, особенно по германским меркам, совсем недавно. Создание Института было счастливым следствием сочетания ряда факторов, из которых не последнюю роль играли научный авторитет и организаторские способности профессора Н. Лобковица, известного, философа и советолога. Во многом благодаря его усилиям Институт в настоящее время является признанным и в высшей степени динамичным центром, с которым охотно сотрудничают как немецкие, так и восточноевропейские исследователи. На счету Института и его сотрудников немало успешных научных проектов, среди которых одним из наиболее значимых стал «Форум», периодическое издание, которое выходит с 1997 года.

Каждый номер «Форума» — солидный трехсот-четырёхсот-страничный сборник, хорошо изданный и снабженный, как правило, интересными иллюстрациями. Фундаментальность издания в определенной мере компенсирует его малую периодичность — два номера в год. С первых номеров издатели позиционировали «Форум» как орган по изучению восточноевропейской идейной истории и истории современности. Своему выбору они следуют достаточно строго: подавляющее большинство материалов так или иначе посвящены тем грандиозным событиям, которые происходили в XX веке и отзвуки которых живы и поныне. Свершались эти события прежде всего в России и СССР, но также в Польше, Чехословакии, Венгрии и Германии. «Форум» — в подлинном смысле слова европейский журнал, и интересы его издателей не выходят за пределы континента.

Для молодого издания обращение к истории современности, актуализация материала естественны и не требуют дополнительных пояснений, как не требует пояснений содержание термина «современная история». Несколько иначе дело обстоит с идейной историей, которая в нашей отечественной традиции обычно понимается как история общественной мысли. Идейная история в немецкой ее трактовке включает в себя также изучение менталитета, социальной психологии, взаимоотношений личности и общества. Впрочем, при обращении к конкретным материалам «Форума» проблема дефиниций не представляется первостепенной. Издание полифонично, оно включает статьи по военной и политической истории, по истории повседневности, по истории философии, литературы, общественной мысли, статьи социологические и культурологические. Разнообразие материала не переходит известной черты, не превращается во всеядность. Разумная редакционная политика дает возможность формирования тематических сборников, к примеру: «Россия и Запад», «Религия и утопии», «Евразийство и неоевразийство — русские поиски "третьего" пути».

¹ Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte. Herausgegeben von Nikolaus Lobkowicz, Leonid Luks und Alexei Rybakov. Böhlau Verlag. Köln – Weimar – Wien.

Печатается «Форум» на немецком языке, лишь в редких случаях, как исключение, оставляя без перевода статьи англоязычных авторов. Издание обращено к немецкому читателю и к немецкому научному сообществу, интересы которого учитываются в первую очередь. Это обстоятельство немаловажно. «Форум» задуман как орган европейского диалога, как место встречи Запада и Востока, и, дабы соответствовать этому предназначению, издатели в высшей степени последовательно привлекают к сотрудничеству авторов из стран Восточной Европы, среди которых широко представлены российские ученые. Статьи, переводимые на немецкий язык, в подавляющем большинстве случаев написаны специально для данного издания, что не исключает, конечно, в дальнейшем появления вариантов, чаще всего в виде книг, на языке оригинала. В определенной степени можно говорить о том, что за пять-шесть лет издатели «Форума», благодаря своей целеустремленности, сумели собрать относительно устойчивый круг авторов, представителей различных областей знания и разных научных школ. «Форум» серьезен, достаточно репрезентативен, он подкупает своим высоким научным уровнем и дает хорошее представление о характере и направлении современных восточноевропейских исследований. Без обращения к его материалам изучение, к примеру, таких проблем, как поздний сталинизм или советский стиль жизни, едва ли будет полным.

Однако если справедливо, что наши недостатки есть продолжение наших достоинств, то несомненно, что, вполне удовлетворяя потребности исследователей, владеющих немецким языком, «Форум» остается недостаточно известен восточноевропейским исследователям, и это ограничивает возможности его влияния, особенно на молодое поколение, выросшее на постсоветском пространстве, для которого языком научного общения стал английский. По-видимому, со временем издатели будут поставлены перед необходимостью решить эту задачу: как избежать превращения «Форума» в мост с односторонним движением в направлении с Востока на Запад. Конечно, печатать все статьи на языке оригинала невозможно, да и не нужно, но очевидно, что уже сейчас назрела необходимость давать подробные резюме как на русском, так и на английском языке.

Впрочем, цель настоящего обзора вовсе не в предугадывании возможной эволюции издания. Она много скромнее и заключается в том, чтобы выявить вполне определенные тенденции восточноевропейских штудий последних лет, опираясь преимущественно на те материалы, что связаны с историей литературы и культурологией. А таких материалов в «Форуме» немало.

Собственно говоря, обращение к первым номерам «Форума» дает основание предположить, что он задумывался прежде всего как орган, который в изменившихся политических и общественных условиях будет продолжать лучшие традиции западной советологии. В нем доминировали статьи по истории современности, в немалой степени посвященные недавнему советскому прошлому. Методология изучения и возможные интерпретации этого прошлого обстоятельно рассматривались в примечательной дискуссии о тоталитаризме (1997, 1—2; 1999, 1), участники которой (С. Случ, П. Бернхольц) указывали на необходимость сравнительного изучения тоталитарных режимов, на их типологическую близость; проводили (А. Пименов) достаточно смелые параллели между ними и восточными деспотиями. В этих суждениях была ясно выраженная публицистическая тональность. На ином

научном уровне была написана статья одного из издателей «Форума» - Л. Люкса «Большевизм, фашизм, национал-социализм — родственные феномены?». Опираясь на материалы дискуссии, которую вели западные авторы еще в 70-е годы, исследователь показал, что между коммунизмом и фашизмом существовала почти непроходимая пропасть, что тоталитарные режимы в СССР, Германии и Италии имели разные истоки и различный характер, что описания их в рамках классической теории тоталитаризма следует вести с большой осторожностью (1997, 1). В конечном итоге Л. Люкс указывал на необходимость конкретно-исторического подхода, предостерегал от создания своего рода новой догматики.

Надо признать, что издатели, хотя и не без определенных издержек, сумели выдержать эту линию. Трудности возникали уже при публикации документов, которые исследователи извлекали из прежде недоступных архивов ЦК КПСС, Коминтерна и НКВД. С одной стороны, материалы о злодеяниях Сталина и его окружения словно бы говорили сами за себя и исключали возможность различной интерпретации. С другой стороны, анализ документов неизбежно приводил вдумчивых исследователей к вопросу о том, почему стал возможен сталинский и — шире — советский режим, что идет от идеологии марксизма, от злой воли Сталина или диктуется логикой внутрипартийной борьбы и что было вызвано фундаментальными причинами, объяснение которым следует искать в прошлом России, в особенностях российского общественного сознания.

Среди работ, где превалировал новый, подчас сенсационный фактический материал, были подлинные удачи. К примеру, Г. Костырченко проследил путь сталинского «министра пропаганды» философа Георгия Александрова (1997, 1), а В. Наумов — историю секретного доклада Хрущева на XX съезде КПСС (1997, 1). Однако, при подготовке уже этого, самого первого номера, издатели ощутили потребность в материалах иного рода и включили в его состав статью известного философа В. Кантора «Демократия как историческая проблема России», где рассматривалась сама возможность функционирования демократических институтов в стране, которая долгие столетия знала иные, прежде всего авторитарные, формы правления. Автор убедительно опровергал распространенные политологические суждения, согласно которым идеи демократии неприемлемы для России, и указывал на историческую и региональную конкретность демократических форм. В дальнейшем, не отказываясь от публикации документов и добротных фактографических статей, издатели все явственней начинают отдавать предпочтение работам по истории общественной мысли, историко-философским и историко-литературным.

Здесь нет необходимости перечислять статьи по истории XX века, которые существенно расширяют наше представление о советском прошлом. Их немало. Это и работа М. Венера о крестьянском восстании на Тамбовщине в 1921 году, которое большевики подавили с помощью ядовитых газов (1998, 2), и очерк Н. Петрова о первом председателе КГБ генерале Иване Серове (1998, 2), и исследование В. Хеделера и С. Дитча о 1940 годе — «счастливейшем годе Сталина» (1999, 2). Общая тенденция, однако, такова: от номера к номеру число подобных статей уменьшается, они пишутся на темы не только советской, но и чехословацкой, польской и даже испанской истории. Иногда в разделе современной истории

встречаются статьи, где в научный обиход вводится немного новых фактов, и это делает более заметным изъяны общеисторического подхода автора. К примеру, А. Ватлин, провозгласив исчерпанность экстенсивного пути развития постсоветской советологии (подразумевается сокращение потока сенсационных архивных находок) и указав на необходимость «более глубоких интерпретаций», достаточно традиционно описывает «сталинский путь к абсолютной власти», демонизируя фигуру вождя, что, при всей вторичности такого подхода, создает серьезные препятствия для изучения механизма эволюции советской государственности и вовсе не способствует желанному для автора глубинному проникновению в суть событий (2000, 2). Еще менее удачна другая статья того же автора, где серьезнейшая тема «Террор и сопротивление в условиях тоталитаризма» («сопоставление советского и немецкого опыта») раскрывается схематично, в том доктринальном духе, от которого предостерегал Л. Люкс (2001, 1).

Иное направление в изучении советской истории представлено в работах А. Игнатова, посвященных «любимцу партии» Н. Бухарину. Первая из них носит характерное название «Марксистский Янус: два лика Николая Бухарина» (1998, 2). В другой работе, исходя из тезиса «революция пожирает своих детей», автор, известный философ, проживающий в Кельне, анализирует психологические аспекты краха Бухарина как политика и идеолога (1999, 2). Автор рисует социокультурный портрет революционера-марксиста на фоне событий, которые он пламенно приветствовал и логика которых не подчинялась законам утопии, в которую он верил. Реальные события — не литература, знатоком которой был Бухарин, и навык литературного критика не служит гарантией выхода за пределы утопического сознания.

О том, сколь мощным было воздействие идей социального утопизма в их марксистском варианте на ход истории, о трагической судьбе поверивших в утопию идет речь в статьях двух издателей «Форума» Д. О'Салливана и Л. Люкса, которыми было отмечено — и это в высшей степени примечательно — столетие «Коммунистического манифеста», одного из самых читаемых и почитаемых текстов новейшего времени. Если угодно, постмодернистское представление о мире, который есть текст, видится весьма убедительным в пределах марксистского дискурса. Поставив вопрос, является ли «Коммунистический манифест» руководством к действию или утопией, Д. О'Салливан не дал однозначного ответа, да такой ответ и невозможен, ибо, как показал Л. Люкс, движение от текста «Манифеста» к тексту «Краткого курса» было и развитием утопии, и преобразованием социума и человека под лозунгом «Партия всегда права» (1998, 1).

Обратившись к вершинным явлениям русской мысли и литературы, тему социальной утопии, секуляризованного сознания и грядущего преобразования мира на началах справедливости раскрывает А. Игнатов в содержательном исследовании «Предчувствия тоталитаризма». На примере текстов А. Герцена и М. Бакунина автор реконструирует угаданные ими этапы победы, упадка и поражения коммунизма, интерпретирует бакунинскую критику Маркса как убедительное доказательство того, что «марксизм есть новое рабство». Противники социализма Ф. Достоевский и К. Леонтьев были проницательны в своей критике, но их видение будущего, особенно леонтьевское представление о «неподвижности как идеале»,

суть вариации утопического сознания, которому всецело принадлежали и построения большевика А. Богданова, и великая антиутопия Е. Замятина «Мы». Россия редко была родиной утопий, но устремленность российского общественного сознания в будущее, то, что Достоевский обозначал как беспочвенность, вечный российский конфликт личности и общества, общества и власти, дает основания А. Игнатову для следующего суждения: «Нельзя говорить о непрерывности русской традиции прогнозов будущего, но духовная атмосфера в России в высшей степени благоприятна для этих прогнозов. Россия не только страна социальных мечтаний, но и страна глубокого погружения в реальные эквиваленты этих мечтаний. Русские мыслители не только создают мифы, но и одновременно их демифологизируют». И неутешительный вывод: «Умные люди сознавали опасность веры в безудержный прогресс и основанных на этом попыток насильственно осчастливить человечество. Они были мало услышаны, но это, к сожалению, обычный случай в истории» (2000,2, с. 40).

Исследование форм утопического сознания, причин его глубокого и длительного воздействия на Россию стало одной из доминирующих тем последних номеров «Форума», и характерно, что материал для анализа предлагает ученым не только российская действительность, но и русская литература. Принципиальное значение в данном контексте имеет статья В. Кантора «Свобода или воля. О русском менталитете». Восходящая еще к былинному эпосу оппозиция «свобода— воля» неоднократно рассматривалась русскими писателями. Народническая традиция, и не обязательно бакунинского толка, отдавала безусловное предпочтение воле, русской широте души, которая не знает удержу, которая поэтична и возвышенна, готова воспарить или положить себя за други своя. Литература редко обращала внимание на то, как воля вырождается в своеволие, в бунт, который еще Пушкин определил как бессмысленный и беспощадный. Свобода созидательна, но она требует осознанного укрощения себя во имя устройства социума, и потому она невыносима порой для вольной души. В русском менталитете видит В. Кантор одну из главных причин цивилизационных срывов, характерных для истории России (1999,2).

На конкретном материале этот тезис иллюстрирует Е. Мэдер в статье «Партизаны и поэты: гражданская война и пропаганда в сибирской деревне в начале двадцатых годов» (2001,1). Название несколько вводит в заблуждение, ибо не было в той деревне, конечно, ни поэтов, ни пропагандистского аппарата. Но было то, что издатели «Форума» обозначили как «вербальная пропаганда», которую они понимают как одну из составляющих «реального социализма». Интересную попытку проследить эволюцию этой вербальной пропаганды с помощью сравнительного анализа советского культа героев в 30-е и в 60-е годы предпринял В. Юровский. Правда, наблюдение за сменой советских пропагандистских форм несколько заслонило от автора тот факт, что культ героев есть естественная принадлежность любого общества, а подлинно героический поступок всегда производил впечатление на людей (2001,1).

Иной аспект изучения воздействия литературы на сознание избрал А. Рыбаков. Один из издателей «Форума» показал глубочайшее воздействие «святой русской литературы» на Томаса Манна, воздействие и Достоевского, и Мережковского, но особенно Льва Толстого. Это воздействие проявилось как в творчестве писателя, так

и в его понимании России, которая была для Томаса Манна прежде всего русской литературой, «миф» был для него много важнее, чем «действительность». Утопическое сознание задело просвещенного и гуманного европейца, и Томас Манн, веря в слово и слову, всерьез полагал, что будь Лев Толстой жив, он предотвратил бы Первую мировую войну. Такой «мифически-мистической бессмыслицей и таким великолепным абсурдом» А. Рыбаков завершает статью (2001,2, с. 52).

А. Рыбакову принадлежат и другие материалы, где строгий литературоведческий анализ тесным образом связан с историей идеи. Сравнивая Пушкина и Гете, он обращает внимание не столько на их творческий гений и поразительную универсальность, сколько на ту роль, что они играли в современном им обществе, олицетворяя подлинные, а не мнимые духовные ценности (1999,1). В статье «Традиции русской мысли и их воздействие на политику и общество» А. Рыбаков предлагает свое видение того процесса взаимодействия русской литературы и русской мысли, что был начат Пушкиным и Чаадаевым. Справедливо заметив, что, за малым исключением, русские мыслители не были «философами в профессиональном смысле слова», он указывает на их роль как свободных публицистов, на то, что «спор о России был лишен подлинной философичности» или, как сердито замечает автор, свидетельствовал о некотором «провинциализме русской мысли». Неясно, правда, следует ли отсюда тезис о провинциальности российской интеллигенции, которая, согласно А. Рыбакову, подготовила и провела революцию 1917 года, сыграв тем самым свою историческую роль и уйдя со сцены, для того только, чтобы в советское время возникнуть вновь.

Продолжая традицию «Вех» и Н. Бердяева, А. Рыбаков выделяет «три инстанции или три силы», которые определяют русскую общественную и духовную жизнь: государство, интеллигенция и некий «народ». Беря слово «народ» в обязательные кавычки, автор указывает на его близость к власти, выводит отсюда слабость интеллигенции, которая, помимо иных своих грехов, склонна была превращать западные гипотезы в предмет веры. Отсюда прямой выход на проблематику западничества и славянофильства, которую, надо признать, автор понимает упрощенно. Во всяком случае, славянофильская «соборность» ничего общего не имеет с социалистическим коллективизмом, а частную собственность накануне крестьянской реформы 19 февраля 1861 года наиболее последовательно отстаивал не западник Николай Милютин, а славянофил Юрий Самарин. Историк идей не может принять следующий вывод: «Многие социалисты замечали в сельской общине ростки желанного ими социального порядка; славянофильская соборность и социалистический коллективизм не столь уж далеки друг от друга; левые и правые в России слишком часто и слишком во многом едины, и оттого столь тяжело тем, кто посередине» (2002,1, с. 230).

Но кто посередине? Разве не славянофилы и западники, которые в России XIX века противостояли социалистам слева и охранителям справа? И разве не подходили именно западники близко к той опасной черте, что отделяла их учение от социалистической традиции? Ответы на эти вопросы принципиально важны, и я склонен согласиться с В. Кантором, который блестяще анализирует «феномен русского европейца», видя в том желанный синтез традиционного западничества и славянофильства (2001,2).

Правда, Л. Люкс полагает, что «идеологический спор, который начался в 30-е годы XIX века между западниками и славянофилами, продолжается и в современной России и что его исход, от которого зависит политическая судьба страны, еще не ясен» (2002, 2, с. 58). Об этом он написал в статье, посвященной «геополитической» программе Александра Дугина и журнала «Элементы». Немногие знают этот журнал, немногим интересны неоевразийские упражнения его идеолога, но Л. Люкс справедливо указывает на потенциальную опасность «манихейского» проекта, который провозглашает разрыв России и Европы. Тот же сюжет освещает А. Игнатов, подробно излагая «историософию» Льва Гумилева, которую он определяет как «маргинальное и "парафилософское" явление, мировоззрение в дурном смысле этого слова, в котором господствует не доказательство, а страдательная убежденность и идущее с ней почти всегда рука об руку мессианское самосознание» (2002, 2, с. 41). Возразить здесь нечего. Для ведущих авторов в «Форума» Европа едина, ее части, ее Восток и Запад взаимосвязаны и взаимозависимы. Европейский путь — путь взаимопомощи и сотрудничества, будь то в сфере культуры или экономики. И если в прошлом политики, военные и социальные утописты не раз раскалывали Европу, то с тем большей настороженностью следует относиться к новым попыткам такого рода, как бы слабы они ни казались.

«Форум» — динамично развивающееся издание, в нем появляются новые рубрики, такие как «Русский путь в XXI столетие» и «Айхштеттские чтения», в последних номерах подобраны отличные материалы по истории повседневности, объединенные под рубрикой «Стиль жизни и групповая идентичность в Советской России в годы нэпа». Некоторые из этих материалов посвящены проблемам культуры, и обращение к ним не только дает новое знание, но и выявляет определенную односторонность историософского прочтения нашей истории. В полном согласии с положением о доминировании утопического сознания С. Шаттенберг рассматривает Советский Союз как опыт реализации технической утопии. Именно так воспринимали новый режим многие представители старой инженерии, которые привыкли мыслить технократически, в чьих душах нашел живой отклик лозунг «техника — массам» и которым в 20-е годы казалась, как никогда, близкой цель — «создание государства инженеров». В 30-е годы сталинский режим убрал их со сцены, заменив молодыми людьми, которые в первую очередь должны были быть коммунистами, а лишь потом техническими специалистами. Можно сказать: социалистическая утопия одолела технократическую (2001, 2).

Однако тогда же, в годы нэпа, именно в сфере культуры социалистическая утопия демонстрировала свое бессилие. Об этом свидетельствует интереснейший материал статьи М. Штадельмана «Фокстрот, цыганский романс и советская оперетта: популярная музыка времен нэпа между идеологической критикой и эмоциональным одобрением». Автор констатирует неоднозначность культурных процессов, их неподконтрольность, особенно в сфере повседневного быта, партийному контролю, их способность, не меняясь по сути, принимать любую защитную идеологическую окраску. Наблюдение это в высшей степени ценно, и сделал его автор, опираясь преимущественно на периодику того времени (2001, 2). Но есть и устная традиция, носители которой всегда с усмешкой или недоумением будут воспринимать глубокомысленные рассуждения о том, как в советские времена запрещались джаз,

гитара или фокстрот. Из столкновения с бытом, с повседневностью утопия не может выйти без потерь. В метафизическом смысле бытийность простых людей торжествует над небытием утопического режима. Попытки инсценировки, создание пропагандистского суррогата быта обречены на неудачу. Это хорошо показал М. Рольф, анализируя тот стиль жизни, что насаждала газета «Воронежская коммуна» в «стране молодости и счастья», в Воронеже первых пятилеток (2002, 1).

Удачной попыткой соединить историософские размышления о России с отличным знанием ее повседневности стала статья Л. Лисюткиной «Загадка России. Заметки к русскому менталитету». Автор анализирует такие понятия, как пространство, которое стало судьбой России и основой ее геополитической идентичности, как время, которое, — здесь автор основывается на личных наблюдениях, — русские воспринимают иначе, чем западные европейцы, как прошлое, осложненное памятью о ГУЛАГе. Почему «загадка»? Скорее это инаковость, позволяющая говорить, что «русское население в своей массе не имеет ни восточного, ни западного менталитета и идентичности», что русский менталитет амбивалентен. Особое внимание Л. Лисюткина обращает на об-разованные слои, которые «невероятно далеки от народа и чей стиль жизни, чей строй мыслей и чувств, равно как и ценностные ориентации, не имеют почти ничего общего с интересами и образом жизни большинства народа» (2002, 1, с. 246, 247). В отличие от А. Рыбакова, Л. Лисюткина не склонна ставить это в заслугу интеллигенции, которая, по ее мнению, не испытывает чувства вины за свершившиеся ею революционные потрясения, возлагая эту вину на народ (своеобразное извращение ленинского учения о диктатуре пролетариата) и видя в народе своего врага. Такое общество, конечно, нельзя определить как здоровое. Л. Лисюткина даже вспоминает Кюстина, хотя, видит Бог, маркиз был плохим знатоком России. Да и далеко не все из живущих сейчас в стране согласятся с автором: «Как всегда, русские возлагают на-режды на будущее. Они всегда хотят быть чем-то другим, нежели тем, чем они являются в действительности, и они недовольны тем, как они живут» (2002, 1, с. 252, 261). Здесь есть повод для спора, и можно надеяться, что наблюдения над русским менталитетом будут продолжены на страницах рецензируемого издания.

Подводя общий итог, следует со всей определенностью подчеркнуть, что «Форум» состоялся, он крепко стоит на ногах, а характер его развития в последние годы дает основание надеяться на появление новых содержательных исследований по истории русской мысли и русской литературы.

Н. ЦИМБАЕВ